БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Радюк А. В.* Аграрные мероприятия Советской власти на территории партизанских зон Беларуси в годы немецкой оккупации (1941–1944 гг.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Минск, 2011. Вып. 6. С. 1–5.
2. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Инв. № 33775.
3. БГМИВОВ. Инв. № 33775.
4. *Тищенко Е. М.* Здравоохранение Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Гродно, 2009.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1403. Оп. 1. Д. 546.
6. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 98.
7. *Лебедевич Н. В.* Оказание помощи местному населению Белоруссии медицинской службой партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны // Здравоохранение Белоруссии. 1987. № 7. С. 11.
8. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 878.
9. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 885.
10. *Селезнёв Ю. А.* Медицинская помощь в условиях партизанской борьбы // Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР : тез. докл. IV науч. конф. Минск, 1984. С. 32.
11. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1185.
12. Музей истории медицины Беларуси (МИМБ). НВ 941.
13. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 52.

Поступила в редакцию 10.03.2015.

Юлия Владимировна Матусевич – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ В. К. Коршук.

УДК 930.1

С. С. ЗЛОБИН

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОВОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ

Рассматривается влияние междисциплинарного подхода и проблемы идентичности на исследование в рамках Новой имперской истории развития исторических знаний в колониальной Индии. Критика исторического письма, как части колониальной системы знания, вследствие развития которой получили свое становление модерновые понятия «человек» и «общество», представлена в виде наиболее важного элемента в осмыслении данной проблемы исследователями Новой имперской истории. Особо подчеркивается, что основное внимание исследователи уделяют не идейному наполнению работ колониальных историков, а тем стереотипам, среди которых они жили. Также выделяется мнение о том, что и деятели национально-освободительного движения, и историки национальной школы историографии не были свободными от колониальной системы знания, и созданный ими нарратив стоит рассматривать не как альтернативу европоцентричной версии истории Индии, а как ее особый случай.

Ключевые слова: историография; колониальная система знания; Новая имперская история; постколониализм; романтизм; Уоррен Гастингс; феодализм.

The article represents the influence of the interdisciplinary approach and the identity problem on the research on the development of historical knowledge in colonial India within the New Imperial History. It argues that the most important element of the New Imperial History reflection over the development of historical knowledge in colonial India is the critique of historical writing as a part of colonial system of knowledge where modern concepts of «human» and «society» have been raised. The emphasized fact is that researchers of the New Imperial History pay the basic attention not to ideas in works of colonial historians, but to stereotypes among which they lived. The article also represents the opinion of the New Imperial History that leaders of the national liberation movement and historians of national school of historiography were not free from colonial system of knowledge, and narrative they created should be considered not as an alternative to europocentric version of Indian history but as a special case of it.

Key words: historiography; colonial system of knowledge; New Imperial History; postcolonialism; romantism; Warren Hastings; feudalism.

Новая имперская история (НИИ) сегодня объединяет наиболее прогрессивных исследователей британского колониализма. Основой позиции НИИ являются концептуальные изменения в методологии исторической науки, произошедшие вследствие применения междисциплинарного подхода к исследованию проблемы идентичности. Поэтому стоит говорить о том, что НИИ представляет собой не некую определенную школу историографии, а скорее парадигму, проявляющуюся в различных исследованиях Британской империи. Нельзя ограничить ее лишь деятельностью историков, статьи которых представлены в сборниках под названием «Новая имперская история» [1], где зачастую отсутствуют такие значимые фигуры, как Джон Комарофф, приложивший немало усилий для исследования колониализма в Южной Африке [2]; или Роберт Янг, занимающийся критикой модернового исторического мышления, в рамках которого описание колонизированного населения осуществляется посредством жестких схем «белых мифологий» [3]; или Томас Меткалф, одним из первых деконструировавший культурные феномены колониальной Индии с точки зрения постколониалистской концепции власти (к примеру, анализ влияния колониальной власти на архитектурные формы в работе «Имперская перспектива: индийская архитектура и британское правление» [4]). Достоинство НИИ состоит не столько в разнообразии ее концепций, сколько в организации таких понятий, как «идеология», «воображение», «дискурс», «бессознательное», в особое эпистемологическое поле изучения Британской империи на основе достижений гуманитаристики последних лет.

Однако при всей концептуальной размытости НИИ вопрос идентичности для этого направления является первостепенным. Кто такой был житель Британской империи, в силу каких факторов он мог идентифицироваться, с одной стороны, как пенджабец, бенгалец, телугу и т. д., а с другой – как житель глобальной Британской империи? Исследователи стали больше обращаться к горизонтальным, а не вертикальным связям в структуре Британской империи и вместо применения жесткой схемы описания политического сосуществования угнетающих и угнетаемых стараются найти в самых мельчайших деталях (быт, одежда, бессознательное, секс) некие императивы, согласно которым изменялся идентификационный облик как метрополии, так и колоний [5–13]. Такой подход потребовал обращения к достижениям культурологического и лингвистического поворотов. При помощи применения дискурс-анализа, герменевтики, семиотического, психоаналитического подходов к анализу становления колониальной идентичности в Британской империи критике подвергаются практически все феномены исторической и культурной жизни человека и общества. И даже развитие исторического знания трактуется с точки зрения того, какую роль оно играло в идентификационных процессах в рамках Британской империи.

Какая же роль отводится историческому знанию в процессе становления идентичности колонизированного в Южной Азии? Историческое знание в этом плане не рассматривается как «вещь в себе», как совокупность трудов о прошлом, а ставится в зависимость от многих политических, социальных, культурных факторов. В такой трактовке заметно влияние постколониального поворота. Постколониализм – это направление в гуманитаристике, истоки которого связаны с выходом в 1978 г. книги Эдварда Саида «Ориентализм» [14]. В рамках этого направления развитие гуманитарного дискурса анализируется исключительно как часть колониальной системы знания, основу которой составляет описание Востока как находящегося на более низкой ступени развития, чем Запад [14, с. 40–41]. Под влиянием постколониального поворота исследователи НИИ склонны рассматривать историю в контексте становления колониальной системы знания, где история играла важную функцию транслятора в индийский дискурс общественно-политических и гуманистических концепций, родившихся на Западе. Поэтому стоит сосредоточиться на том, какие концепции, по мнению НИИ, приходили в исторические произведения колониальной Индии, какую роль в их распространении сыграли именно исторические произведения, а также какое было соотношение национальной историографии и колониальной практики описания человека во времени.

Исходным пунктом для ответа на поставленные вопросы является признание в рамках НИИ того, что колониальные практики исторического письма строились на идеях и концепциях, заимствованных из европейского модерна и касавшихся описания общества и человека. Категория «общество» приобрела проблематичность в экономическом, социальном и культурном поле – описание населения требовало скрупулезного анализа таких феноменов, как «жизнь», «класс», «разум», «нация». «Человек» же приобрел «индивидуальность», которая выразилась в описании его «эмоций», «чувств», он стал рассматриваться как личность, существо со сложным внутренним миром, существо переживающее, у него появился тот набор стандартной риторики, который на современном языке называется «права человека».

Например, это может касаться концепций феодализма для общества и романтизма для человека. Так, работающий в Итакском колледже (США) Джейсон Фрейтаг, занимаясь творчеством одного из самых выдающихся историков периода колониализма Джеймса Тода, указывает, что во многом благодаря произведениям Дж. Тода в историографию Индии пришли вышеобозначенные концепции [9, p. 197–199]. С одной стороны, Дж. Тод, исследуя историю раджпутских кланов, рассматривал их через призму общественной структуры, модель которой он заимствовал из европейской традиции изучения феодализма [9, p. 103–108], а с другой – в его научных штудиях нашли отражение внутренний мир раджпута, свойственные ему храбрость, рыцарство, возвышенность чувств и эмоций, – тем самым Дж. Тод создал и его романтический образ [9, p. 114–120].

У Дж. Фрейтага отсутствуют намеки на то, что колониальный историк как-либо принижал индийскую культуру. Наоборот, он подчеркивает, что именно благодаря тому, насколько сильно Дж. Тод упирал на внутреннее благородство и достоинство раджпутов, его можно рассматривать как человека, который значительно поспособствовал осознанию индийцами своей силы и своих возможностей [9, p. 171–172]. Неслучайно Дж. Тода до сих пор высоко ценят в Индии (Благотворительный фонд Махавира Мервана каждый год раздает награды его имени) [9, p. 1–2]. Дж. Фрейтаг просто констатирует, что романтизм и феодализм были новыми концепциями в исторических практиках колониальной Индии и, безусловно, содействовали становлению новой идентичности колонизированного, определяя новые рамки осознания себя.

Однако в большинстве своем исследователи НИИ указывают на то, что через европейские концепции рассмотрения общества и человека приходил европоцентричный взгляд на колонизированного индийца. Связывая колониальное доминирование и развитие исторических знаний, они пытаются найти в исторических практиках колониального времени что-нибудь такое, что позволяло говорить об Индии как находящейся на более низкой ступени развития, чем Британия. Причем нельзя сказать, что критика идеи отсталости Индии в системе колониального исторического знания ограничивается лишь критикой идей прогресса, поступательного развития, линейности исторического процесса. Как будто колониальные историки за конечную точку развития брали современное состояние британского общества,

культуры, цивилизации, а все, что было индийское, опускали в эпоху докапитализма, феодализма, примитивизма и т. д. Скорее, НИИ говорит о том, что идея отсталости Индии в колониальной историографии растворялась в идее ее «инаковости».

Подобным образом смотрит на колониальную историографию Т. Меткалф, попытавшийся одним из первых инкорпорировать идеи постколониализма в исследования политической культуры колониальной Индии. Он указывает на то, что описание Индии как Другого по отношению к Британии всегда основывалось на принципе цивилизационного разрыва между развитой метрополией и не очень развитой колонией. Например, как отмечает Т. Меткалф, особой популярностью при колониализме пользовалась концепция деспотизма. Ее основной задачей было аккумулирование наиболее специфических черт Индии, отличавших ее от Британии. Так, армейский офицер, ориенталист, драматург Александр Доу (1735/6–1785) в своей «Истории Хиндустана» описывал Южную Азию как «сосредоточение величайших империй» и «колыбель нижайшего рабства» [15, p. 7]. Индия не описывалась как отсталая, но через переутверждение по формуле «другой-не-Британия» неизбежно оказывалась в приниженном положении.

Т. Меткалф говорит о специфической двойственности рассуждений колониальных историков, являвшейся следствием двойственности, заложенной в самой конструкции британского колониализма. Дело в том, что во многом после прихода в Британской Индии в 1774 г. к власти генерал-губернатора Уоррена Гастингса отношение к колонизированным не было однозначным. Колониализм не представлял собой системы безоговорочного угнетения. В дискурсах прослеживались либеральные идеи, для индийцев не отрицалась возможность пути к счастью и справедливому социальному устройству. Однако груз цивилизационной отсталости, неоднозначное поведение, постоянная опасность того, что туземцы могут неправильно распорядиться свободой, служили оправданием колониальной ситуации. И история, по мнению Т. Меткалфа, играла значительную роль в этом оправдании. Например, в своих рекомендациях «Конституционная реформа» к работе комиссии Монтегю – Челмсфорда Винсент Артур Смит, ирландский индолог, писавший книги о буддистском правителе Ашоке и могольском императоре Акбаре, подчеркивал, что он хочет пролить свет истории, и отмечал, что проведение всякого рода либеральных преобразований в Южной Азии осложняется неоднородной структурой общества, основой которого является кастовый принцип, так как уже в течение 3 тыс. лет он является неотъемлемой частью природы индусов и представляет одну из главных причин нестабильности, что делает целесообразным сохранить колониальное правление [15, p. 227– 228].

Идеи инаковости и исторической отсталости Индии успешно дополняли друг друга и служили прочным фундаментом для общественно-политического дискурса британского колониализма. Удай Мехта, занимающийся изучением различных политических теорий Индии, поработавший в Принстоне, Массачусетском технологическом институте, Чикагском университете, приводит примеры Джеймса Милля и Джона Милля, которые постоянно ссылались на историческую необходимость колониального господства. Дескать, Индия никоим образом не дотягивала до стадии политической зрелости, которая характеризовалась особым состоянием общественного согласия, являвшимся непременным условием развития идей либерализма. Индии предназначалось место в «отсталом прошлом» [12, p. 111–114]. Другой исследователь колониального политического дискурса Индии Николас Деркс обращается к Эдмунду Берку, который, участвуя в процессе над Уорреном Гастингсом, находившимся под судом по обвинениям в коррупции и неэффективном управлении, особо выделял то обстоятельство, что Британия приносит цивилизационное благо индийскому субконтиненту. Н. Деркс подчеркивает, что Э. Берку тем самым удалось доказать необходимость существования колониализма, даже несмотря на такое неизбежное и досадное явление, как коррупция [8, p. 314 – 315].

Историю приводили в качестве практического доказательства индийской инаковости, которая пугала и таила в себе угрозу беспорядка. Смысловое наполнение той или иной идеи как таковой не имело значения. Несмотря на пространные рассказы о том, какая Индия уникальная, как прекрасна ее культура, было ясно, что существует некая особенность, которая делает Индию отличной от Британии, создает цивилизационный разрыв, и именно этот элемент должен был занимать центральное место в историческом описании. Проблема смещается с уровня идей на уровень исторического письма. Согласно НИИ историк в колониальной Индии писал так, а не иначе не потому, что он описывал такую-то концепцию (например, феодализм), а потому, что он жил в мире определенных стереотипов, которые и диктовали ему, что было правильно и разумно.

В этом плане совершенно иное звучание приобретает национальная историографическая традиция, которая рассматривается только как элемент модернового колониального исторического письма. Все историки, которые работали с нарративом в антиколониальном духе, также вынуждены были приспосабливаться к колониальной системе знания. Для того чтобы получить статус исторического, любое их произведение не должно было выходить за рамки концепции цивилизационного разрыва. Поэтому под пером историка даже те концепции, которые, на первый взгляд, не имеют ничего общего с Британией (Веды, брахманы, санскрит), приобретали европоцентрическое звучание.

Так, новозеландский историк Тони Баллантайн, исследующий Британскую империю во всей взаимосвязи ее культурных и интеллектуальных элементов, обращаясь и к Индии, и к Ирландии, и к Новой Зеландии, и, конечно же, самой Британии, рассматривает концепцию «арийской расы» как интегральную

для колониальной системы знания и развивавшуюся в контексте становления колониальной идентичности. Хотя, казалось бы, она в первую очередь имеет отношение к обоснованию уникальности индийской культуры и ее отличия от культуры колонизаторов. Т. Баллантайн связывает появление концепции «арийской расы» опять-таки с У. Гастингсом и с разработанным при нем подходом к управлению индийскими колониями. Осознание необходимости изучать население для того, чтобы им управлять, а не просто применять репрессивные меры, подтолкнуло историков к созданию теорий, которые отражали бы особенности индийского общества. Они обратились к санскритским источникам и на их основе сконструировали концепцию «арийской расы» [5, p. 41–44]. То, что эту концепцию стоит рассматривать с точки зрения становления колониальной идентичности, а не того, какое новое исследовательское пространство она открыла в индологии и насколько более *правдивыми* стали исторические произведения, Т. Баллантайн иллюстрирует, описывая широкое влияние арийской теории на дискурсивное поле других регионов империи. Исследователи (не только историки, но и литераторы, философы – словом, все гуманитарии) получили возможность по-новому интерпретировать, насколько глубоки их этнические, культурные образования, занимаясь сравнительной филологией и дискутируя о путях расселения ариев [5, p. 188–196].

Колониальными импульсами были проникнуты и работы национальных историков. Роль, например, Уильяма Джонса в становлении колониальной идентичности при помощи работы с санскритскими источниками и разработки арийской теории понятна. Он – британец, колониалист, для него естественной является игра на стороне метрополии. Но вот как быть с индийскими историками, которых относят к так называемой национальной школе? Неужели их произведения тоже являются частью колониальной системы знания? Ответ – да!

Профессор Миссурийского университета Теодор Кодитчек, занимающийся историей Британской империи и историей социальных наук, в работе «Либерализм, империализм и историческое воображение», разбирая творчество таких деятелей национально-освободительного движения, как Кешаб Чандра Сен, Дадабхай Наороджи, Ромеш Чандра Датт, Банким Чандра Чаттерджи (Чаттопадхьяя), Сурендранатх Банерджи, внесших значительный вклад в развитие индийской историографии, указывает, что так или иначе все они оказались наследниками идеи прогресса, разработанной в метрополии. Безусловно, Индия, как объект исследования, наделялась положительными качествами. Кешаб Чандра Сен и Банким Чандра Чаттерджи настаивали на том, что Индия имеет свою версию прогрессистского нарратива, в котором подчеркивалась либо параллельность развития с Британией (Кешаб), либо большая духовность по сравнению с метрополией (Банким). В случае же с Сурендранатхом Банерджи и Ромешем Чандрой Даттом разговор шел не о существовании альтернативной линии прогресса, а о том, что индийская культура как таковая является источником прогресса и цивилизации, что во времена колониализма было забыто, а теперь стоит вспомнить об этом и снова войти в авангард мирового развития. Однако, несмотря на утверждения об уникальности и отличии от метрополии, эти парадигмы оставались в рамках колониальной системы знания. Кешаб Чандра Сен, Дадабхай Наороджи, Ромеш Чандра Датт, Банким Чандра Чаттерджи (Чаттопадхьяя), Сурендранатх Банерджи не отказывались от работы с концепциями, пришедшими из метрополии, и каждый раз были вынуждены иметь дело с цивилизационным разрывом между Индией и Британией, придумывать, каким образом свести его на нет, тем самым только переутверждая его [10, p. 311–313].

Как видим, рассматривая идентификационные процессы в рамках Британской империи, историки НИИ осуществляют переход от трактовки развития исторических знаний, как изменения представлений о прошлом (т. е. история исторической мысли), к их контекстуальному описанию, сосредоточиваясь на том, как посредством трудов колониальных историков на индийскую почву переносились европейские модерновые трактовки категорий «человек» и «общество». В рамках НИИ утверждается, что исторические знания играли важнейшую роль как структурный элемент в навязывании модерновой идентичности индийской цивилизации, основой которой стало понимание ее некоторого запаздывания в сравнении с показателями феномена колонизатора. На линии исторического времени для Индии выделялось место «в прошлом», и историческое знание непосредственно повлияло на становление этой дихотомии, развиваясь в неразрывной связи с интенциями колониальной власти. Поэтому важно четко выделить особенности исторического стиля той или иной концепции, проблематизируя при этом то, как конструировался специфический образ передовой Британии и отсталой Индии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The New Imperial Histories Reader / ed. by S. Howe. New York, 2009.
2. *Comaroff J.* Ethnicity. Chicago ; London, 2009.
3. *Young R.* White Mythologies: Writing History and the West. New York ; London, 1990.
4. *James-Chakraborty K.* Beyond Postcolonialism: New Directions for The History of Nonwestern Architecture // Frontiers of Architectural Research. 2014. № 3. P. 1–9 [Electronic resource]. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2095263513000642 (date of access: 01.11.2014).
5. *Ballantyne T.* Orientalism and Race: Aryanism in The British Empire. New York, 2002.
6. *Burton A. M.* Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865–1915. Chapel Hill ; London, 1994.

7. *Cooper F.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley ; Los Angeles ; London, 2005.
8. *Dirks N. B.* The Scandal of Empire: India and The Creation of Imperial Britain. Cambridge, 2006.
9. *Freitag J.* Serving Empire, Serving Nation: James Tod and The Rajputs of Rajasthan. Leiden ; Boston, 2009 [Electronic resource]. URL: http://dl.lux.bookfi.org/genesis/436000/5bcc4a1e00418ea1b6d9ab93d50cdb76/_as/[Jason_Freitag]_Serving_Empire,_Serving_Nation_Ja(BookFi.org).pdf (date of access: 15.07.2013).
10. *Koditschek T.* Liberalism, Imperialism and The Historical Imagination. 2011 [Electronic resource]. URL: http://dl.lux.bookfi.org/genesis/763000/a404735c553da7883c69285e5524f266/_as/[Theodore_Koditschek]_Liberalism,_Imperialism,_and(BookFi.org).pdf (date of access: 23.07.2013).
11. *Marriott J.* The Other Empire: Metropolis, India and Progress in The Colonial Imagination. Manchester ; New York, 2009.
12. *Mehta U.* Liberalism and Empire. Chicago ; London, 1999.
13. *Sinha M.* Colonial Masculinity: The «Manly Englishman» and The «Effeminate Bengali» in The Late Nineteenth Century. Manchester, 1995.
14. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
15. *Metcalf T. R.* Ideologies of The Raj. Berkeley, 1997.

Поступила в редакцию 17.02.2015.

Сергей Сергеевич Злобин – аспирант кафедры источниковедения исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета БГУ В. Н. Сидорцов.

УДК 324(569.3:569.4)(091)«19/20»

МАЛЕК МОХАМАД САЛЕХ (ЛИВАН)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИВАНА С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И США В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Посвящена исследованию отношений Ливана с Евросоюзом и США в 1990-е – начале 2000-х гг. В рамках европейского вектора внешней политики Ливана особое внимание уделяется ливано-французским отношениям. Отмечается, что согласно программе евро-средиземноморского партнерства основными направлениями ливано-европейского сотрудничества являются: проведение в Ливане экономических реформ; укрепление его государственных и социальных институтов; модернизация промышленности и сельского хозяйства; оказание помощи малому и среднему бизнесу; борьба с бедностью; охрана окружающей среды. Что касается ливано-американских отношений, то на протяжении всего периода арабо-израильского противостояния США пытаются играть в ближневосточном регионе роль главного миротворца. Исходя из такой позиции, Ливан рассматривался руководством США как один из ключевых элементов ближневосточного урегулирования и, как следствие, постоянного вмешательства во внутренние дела Ливана с целью максимального ослабления сирийского влияния на внутриполитическую ситуацию и внешнюю политику страны и дискредитацию движения «Хезболла» в глазах ливанцев.

Ключевые слова: отношения Ливана с Евросоюзом; ливано-французские отношения; ливано-американские отношения; гуманитарная помощь; движение «Хезболла»; Сирия.

The article investigates the relations of Lebanon with the EU and the United States in the 1990s – early 2000s. Within the framework of the European vector of foreign policy in Lebanon focuses on the Lebanese-French relations. The article notes that according to the program «Euro-Mediterranean Partnership» the main directions of the Lebanese-European cooperation are conducting economic reforms in Lebanon, strengthening its government and social institutions, the modernization of industry and agriculture, assistance to small and medium-sized enterprises, the fight against poverty environmental protection. As for the Lebanese-American relations, throughout the period of the Arab-Israeli conflict the US is trying to play the role of the main Middle East peacemaker. Proceeding from this position, Lebanon is considered by the US as one of the key elements of the Middle East peace process and as a result, constant interference in Lebanon's internal affairs in order to maximize the weakening of the Syrian influence on the domestic situation and foreign policy of the country and discredit the movement «Hezbollah» in the eyes of the Lebanese.

Key words: EU relations with Lebanon; the Lebanese-French relations; the Lebanese-American relations; humanitarian aid; the movement «Hezbollah», Syria.

Ливан является важным звеном всех ближневосточных процессов последней четверти XX и начала XXI в. и входит в круг стран, которые привлекают серьезное внимание к своей внешней политике. Исходя из концепции многовекторности внешнеполитического курса и благодаря многомиллионной ливанской диаспоре за рубежом, Ливан поддерживает прочные связи с ведущими мировыми державами. Особого внимания заслуживает европейский вектор внешней политики Ливана, а также его взаимоотношения с главным актором ближневосточного региона – США.

В данной статье представлен широкий круг статистических материалов и официальных документов Евросоюза, Еврокомиссии и американского Госдепартамента, которые позволяют проследить эволюцию отношений Ливана с ЕС и США. В рамках европейского вектора внешней политики Ливана особое внимание уделяется ливано-французским отношениям.

Отношения ЕС со странами ближневосточного региона, в частности с Ливаном, нашли отражение в статьях и монографиях таких российских политологов, как А. А. Волович, Ю. В. Зинькина, О. Е. Трофимова и др. Большой интерес для изучения европейского вектора внешней политики Ливана и его отношений с США представляет монография Е. М. Савичевой «Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране» [1].

В 1960 – 80-х гг. отношения Ливана с ведущими европейскими странами определялись внутриевропейскими разногласиями по вопросам ближневосточного урегулирования. Франция придерживалась проарабской позиции и активно выступала за создание палестинского государства, в свою очередь, Германия поддерживала ближневосточную политику Израиля [2]. Взаимоотношения Ливана и ЕЭС